

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-66-72>

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution-NonCommercial»
(«Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная

М.В. Михайлова, А.В. Назарова

«Мятежные усадьбы» Е.Н. Чирикова

Аннотация: В статье анализируется своеобразие «усадебного топоса» в дореволюционных и эмигрантских произведениях Е.Н. Чирикова. Сопоставление его прозы и драматургии с предшествующей литературной традицией показывает, что в чириковском творчестве усадьба выполняет принципиально иную функцию. В литературе XIX в. она изображалась как место, где человек может обрести душевный покой и умиротворение (И.С. Тургенев, И.А. Гончаров и др.), или, напротив, как пространство, которое оказывает разлагающее воздействие на хозяев и слуг (Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.). Для современников Чирикова — писателей Серебряного века (А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.Н. Толстого и др.) был характерен синтез «идеализирующего» и «критического» взглядов на роль усадьбы в истории и культуре России. В его же романах и «общественных драмах» пространство усадебного дома и сада становится ареной противостояния различных общественных групп, прежде всего дворянской либерально-демократической интеллигенции и народных масс. Художник показал, что в основе конфликта лежит борьба за землю, которая используется в качестве приманки для народа хозяевами усадеб, расчетливо играющими на многовековых мужицких мечтах о земельном переделе. Именно подобный обман и провокации привели, по убеждению Чирикова, к революционному взрыву 1917 г., уничтожившему в конечном итоге все «дворянские гнезда».

Ключевые слова: «усадебный топос», литературная традиция, «общественная драма», семейная хроника, революция, Гражданская война.

Информация об авторах: Мария Викторовна Михайлова — доктор филологических наук, профессор, филологический ф-т, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991, ГСП-1, г. Москва, Россия. E-mail: mary1701@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8193-6588>; Анастасия Викторовна Назарова — кандидат филологических наук, преподаватель, филологический ф-т, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991, ГСП-1, г. Москва, Россия. E-mail: raznastas@gmail.com. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3579-861X>

Maria V. Mikhailova, Anastasia V. Nazarova

“Rebellious estates” in E.N. Chirikov’s prose

Abstract: The article analyzes the peculiarity of the “estate topos” in the pre-revolutionary and emigrant works of E.N. Chirikov. A comparison of his prose and drama with the previous literary tradition shows the estate brings out a fundamentally different function in Chirikov’s creativity. In the literature of the 19th century estate was depicted as a place where a person can find peace of mind and calming down (I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, etc.), or, on the contrary, as a space that has a corrupting effect on owners and servants (N.V. Gogol, N.A. Nekrasov, M.E. Saltykov-Shchedrin). Chirikov’s contemporaries — writers of the Silver Age (A.P. Chekhov, I.A. Bunin, A.N. Tolstoy, etc.) were characterized by a synthesis of “idealizing” and “critical” views on the role of the estate in the Russian history and culture. However, in Chirikov’s novels and “social dramas”, the space of the estate house and garden becomes an arena of confrontation between various social groups, primarily the noble liberal-democratic intelligentsia and the masses of the people. Chirikov is showing that this conflict is based on the struggle for the land, which is used as a bait for the people by the owners of the estates, who play calculatingly on the centuries-old peasant dreams of land redistribution. So according to writer’s point of view deception and provocation led to the revolutionary explosion of 1917, which eventually destroyed all the “noble nests”.

Keywords: “estate topos”, literary tradition, “social drama”, family chronicle, revolution, Civil war.

Information about the authors: Maria V. Mikhailova — DSc in Philology, Professor, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, p. 51, 119991, GSP-1, Moscow, Russia. E-mail: mary1701@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8193-6588>;

Anastasia V. Nazarova — PhD in Philology, Teaching Fellow, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, p. 51, 119991, GSP-1, Moscow, Russia. E-mail: raznastas@gmail.com. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3579-861X>

Многие сюжетные события в произведениях отечественной литературы происходят в усадебных декорациях — пространстве господского дома и сада, а тема исторической судьбы «дворянских гнезд» является в ней одной из сквозных. Выбор художниками слова усадьбы в качестве места действия в немалой степени влиял на своеобразие структуры художественного текста, так как «усадебный топос» часто выступает в нем «не только фоном действия, но и “действующим лицом” сюжета, которое нередко определяет его основные коллизии»¹. Подобная особенность

¹ Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56.

«усадебных» произведений обусловлена представлением их авторов, среди которых И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой и другие, об этом пространстве как особом мире с неповторимым колоритом и жизненным укладом, который складывался на протяжении не одного десятилетия. В результате в литературе сформировался образ усадьбы как воплощения нравственно-эстетических норм, имеющих определяющее значение для русской культуры: стабильность, ценность личностного начала, ощущение связи времен, почитание традиций, органическая привязанность к земле и жизнь в единстве с природным миром.

В то же время в отечественной художественной словесности существовала традиция критического изображения мира помещичьих владений. Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин и другие авторы были убеждены, что усадебный мир благообразен лишь в прошлом, а в действительности уже давно отжил, поэтому рисовали его в сатирических тонах, развенчивая и отрицая «культурно-историческую роль родовых “гнезд”»². Фиксируемое ими неумолимое разорение и вымирание некогда богатых и влиятельных дворянских семейств стало для этих писателей свидетельством исторической бесперспективности не только дворянского сословия и его культуры, но и того социально-политического устройства российской действительности, который служил их фундаментом.

На рубеже XIX–XX вв. в произведениях представителей новой литературной генерации можно обнаружить синтез «идеализирующего» и «критического» взглядов на усадьбу в истории и культуре России. К изображению «усадебного топоса» обращались А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.Н. Толстой, А. Белый, Ф. Сологуб, Г.И. Чулков, С.Н. Сергеев-Ценский и др. В их прозе усадебный мир содержал в себе мощный элемент дисгармонии, однако все же сохранял исчезающую поэзию того старинного уклада русской жизни, на котором много веков держались быт и бытие российского государства и его народа.

Тем не менее в литературе начала XX столетия существовал и еще один ракурс изображения дворянского гнезда, который наиболее ярко представлен в произведениях Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932). Усадебный дом и окружающая его территория становятся местом действия во многих дореволюционных и эмигрантских текстах художника. Но в отличие от предшествующей литературной традиции, где усадьба ассоциировалась с местом, дарящим человеку душевный покой, умиротворение, элегический настрой и поэтическое вдохновение, или

² Ермоленко С.И. «Головлево — это сама смерть...» (образ «дворянского гнезда» в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») // Филологический класс. 2003. № 10. С. 67.

представала как мертвая, безжизненная среда, которая оказывает разлагающее воздействие как на хозяев и их слуг, так и на всю русскую жизнь в целом, в произведениях Чирикова она выполняет принципиально иную функцию. В пьесе «Мужики» (1905), повести «Мятежники» (1906), романах «Жизнь Тарханова» (1911–1925), «Отчий дом» (1929–1931) и других произведениях автора усадьба становится в первую очередь эпицентром напряженного общественного противостояния, куда оказываются втянуты все обитатели поместья и их соседи — крестьяне.

Показательно, что образ усадьбы впервые появился в драматических произведениях Чирикова 1900-х, когда на творческое сознание писателя оказали значительное влияние события Первой русской революции. Именно отражению революционных настроений в деревне была посвящена его пьеса «Мужики», жанр которой художник определил как «общественную драму». Тем самым он стремился не только подчеркнуть, что основой его произведения послужили подлинные события, вызвавшие широчайший общественный резонанс (Чириков отталкивался от жестокого подавления народного выступления, которое произошло в 1905 г. в Глуховском уезде Черниговской губернии, где крестьяне окрестных деревень разгромили и сожгли сахаро-рафинадный завод братьев Терещенко). Создавая яркую «иллюстрацию» переживаемого времени, он хотел подвести зрителей к мысли о массовости и общезначимости запечатленного им столкновения, истоки которого, по его убеждению, коренятся в общем социально-политическом устройстве России и затрагивают все слои российского социума. Этим объясняется и выбор Чириковым названия его пьесы, которое отразило стремление автора изобразить социальную психологию противостоящих общественных групп, в первую очередь дворянства и крестьянства.

Действие «Мужиков» разворачивается в усадьбе помещика Городецкого, члены семьи которого являются выразителями различных общественных взглядов — от помещичье-консервативного до марксистского — и постоянно спорят о том, как улучшить положение крестьян. Этот прием «концентрированного» идейного столкновения будет использован и развит Чириковым в последующих произведениях, достигнув кульминации в написанной в эмиграции семейной хронике «Отчий дом», где под одной крышей соберутся представители разных политических и религиозных убеждений и поведут споры о судьбах народа. В пьесе же все разговоры сводились к вопросу о больших или меньших уступках мужикам, претендующим на барские владения, — о судьбе России речи еще не шло.

Основные линии идейного противостояния в «Мужиках» пролегают между дядей и племянником Городецкими, с одной стороны, и крестьянами и господами — с другой. Павел Иванович воплощает тип гуманного барина-народника и напоминает толстовского Нехлюдова из романа

«Воскресение». Он хочет отдать землю крестьянам в долгосрочную аренду, а на вырученные деньги выстроить для народа школу и баню. Его дядя Николай Александрович видит в этом проекте не более чем дворянскую филантропию, которой не под силу исправить экономического положения народа³. Он убежден, что землю надо отдать крестьянам безвозмездно, что позволит избежать грабежей и разгромов дворянских имений. Но, будучи помещиком, он не в состоянии этого сделать, ведь «если ликвидировать хозяйство, то, ей-богу, мы окажемся не богаче мужиков»⁴, — заявляет он племяннику.

Крестьяне также с недоверием относятся к затее Павла Ивановича, поскольку верят, что должны получить землю Городецких без каких бы то ни было выкупов и отработок. Копившееся годами в их душе недовольство в конечном итоге вырывается наружу и оборачивается захватом имения, который влечет за собой расправу над его владельцами, хотя те соглашаются выполнить главное требование мужиков — отписать в их пользу поместные владения. Причиной кровопролития становится возвращение хозяина имения Николая Александровича с военными, которые открывают стрельбу по бунтовщикам. Таким образом, в пьесе «Мужики» Чириков раскрыл живущую в крестьянских массах вековую мечту о земле и их ненависть к господам — будь то реакционным, либеральным или кающимся. Но главное, он нащупал важнейший корень будущей национальной трагедии, произошедшей в России спустя десятилетие, — пропасть непонимания между народом и интеллигенцией, преодолеть которую народным печальникам не под силу, так как сам господский дом, в котором происходят дебаты, служит для мужиков символом несправедливости и многовекового угнетения.

Крестьянский бунт, становящийся кульминацией пьесы, напугал всех обитателей дворянской усадьбы. Он явился для них полной неожиданностью, но автор видел в нем закономерный итог неуклонно растущего в измученной безземельем и бедностью народной среде недовольства. Чирикову понятны необходимость социального пробуждения прежде безмолвной и забитой крестьянской массы и ее стремление отстаивать правоту своих требований, тем не менее он не может одобрить совершаемого мужиками насилия, подчеркивая его слепую жестокость и бессмысленность. Эта жестокость в пьесе наглядно демонстрируется тем, что первой жертвой восстания становится всегда защищавший интересы крестьян Павел Иванович.

³ См.: *Касторский С.В.* Гусев-Оренбургский, Елеонский, Чириков, Скиталец, Муйжель, Телешов, Сергеев-Ценский // *История русской литературы: в 10 т.* М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10. С. 585.

⁴ См.: *Чириков Е.Н.* Мужики // *Драматургия «Знания»*. М.: Искусство, 1964. С. 214.

Литературоведы советского периода связывали авторский «испут» перед размахом народных беспорядков с «недостаточной политической зрелостью и ограниченностью демократизма»⁵ Чирикова, что якобы помешало ему понять «существо революции»⁶, а позже подтолкнуло в ряды противников новой власти и вынудило оставить родину. Но писатель на самом деле рано почувствовал ту опасность, которая кроется за порывами к немедленному установлению справедливого миропорядка, и показал, какими жертвами это грозит, причем с обеих сторон.

В эмиграции взгляд Чирикова на судьбу дворянской усадьбы претерпел существенное изменение, хотя ряд сюжетных коллизий в семейной хронике «Отчий дом» перекликается с «Мужиками» и другими произведениями 1900 — начала 1910 гг., что позволяет рассматривать эту книгу как итог идейных и художественных исканий писателя, где он аккумулировал все значимые темы и изобразительные приемы из раннего творчества. В «Отчем доме» писатель показал, что дворянская усадьба стала не просто предметом раздора между наследниками и борьбы между дворянской интеллигенцией и крестьянами, но превратилась в гнездо идейного брожения и распространения революционной крамолы. Сюжетное действие чириковской хроники сосредоточено в Симбирской губернии, где расположена дворянская усадьба бывших князей Кудышевых. Такой выбор объясняется убежденностью писателя в том, что именно Поволжье, Симбирск являются подлинным сердцем России, так как симбирское столбовое дворянство всегда считалось главной опорой царского трона. Однако в конце XIX столетия, как показал Чириков в своем произведении, оно перестало быть таковым, поскольку забыло о своем историческом предназначении и нравственном долге — служении царю и отечеству (хотя и царь, по его убеждению, перестал быть той персоной, ради которой надо жертвовать своим благополучием). В результате дворянское сословие выродилось в консервативно настроенных «зубров» и «бегемотов», требующих от царского правительства лишь увеличения числа привилегий, либо в грезящую о революции либерально-радикальную интеллигенцию, которая ради ее осуществления готова предпринять любые действия вплоть до покушения на жизнь монарха. Погрязнув в своих узких эгоистических интересах и политических интригах, дворянство не только не задумывается о судьбе своих родовых гнезд, но и использует их в качестве приманки для народа, расчетливо играя на многовековых

⁵ *Пастернак Д.А.* Советское литературоведение 50–60-х годов о теме русской деревни в творчестве писателей-знаньевцев // *Некоторые вопросы современной исторической науки и филологии*. Днепропетровск, 1972. С. 33.

⁶ *Касторский С.В.* Гусев-Оренбургский, Елеонский, Чириков, Скиталец, Муйжель, Телешов, Сергеев-Ценский. С. 586.

мужицких мечтах о земельном переделе. В результате, по мнению Чирикова, творимые дворянским сословием ради достижения собственных узкоэгоистических интересов обман и провокация постепенно разрушили нравственный стержень в душе русского человека, сделав его слепым орудием борьбы в руках различных мошенников и авантюристов от политики. Но разбуженные ими в народной душе ярость и злоба в конечном итоге обернулись против самих участников политических игр. Таким образом, Гражданская война и последующее изгнание из России могут быть осмыслены как своего рода кара, расплата хозяев усадебного мира за прежние грехи и заблуждения.

Тем самым в творческом наследии Чирикова образ «мятежной усадьбы» претерпевает эволюцию. Если на раннем этапе «дворянское гнездо» служит ареной противостояния только двух общественных сил, то в зрелых произведениях оно выступает уже как миниатюрная модель государства, раздираемого острейшими общественными противоречиями, и позволяет автору воссоздать панораму исторических событий, которые привели к его разрушению.

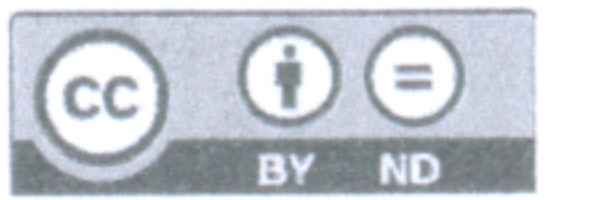
Список литературы

1. Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56–60.
2. Ермоленко С.И. «Головлево — это сама смерть...» (образ «дворянского гнезда» в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») // Филологический класс. 2003. № 10. С. 67–75.
3. Касторский С.В. Гусев-Оренбургский, Елеонский, Чириков, Скиталец, Муйжель, Телешов, Сергеев-Ценский // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10. С. 581–587.
4. Пастернак Д.А. Советское литературоведение 50–60-х годов о теме русской деревни в творчестве писателей-знаньевцев // Некоторые вопросы современной исторической науки и филологии. Днепропетровск: [б. и.], 1972. С. 29–33.
5. Чириков Е.Н. Мужики // Драматургия «Знания». М.: Искусство, 1964. С. 177–271.

© 2021, М.В. Михайлова, А.В. Назарова

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-73-92>

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution-NonCommercial»
(«Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная

О.А. Богданова

«Усадебный текст» Георгия Чулкова: неомифология писательских имен в повести «Дом на песке»

Аннотация: В статье рассмотрена концептуализация литературных имен А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других русских и иностранных писателей (Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Тургенева, Данте Алигьери, Ф. Ницше) как одно из проявлений «неомифологического модуса» в репрезентации «усадебного топоса» в прозаическом творчестве крупного писателя-символиста Серебряного века Г.И. Чулкова. В первую очередь показано, что оппозиция «Пушкин — Лермонтов» коррелирует с общей для «младшего» символизма мифопоэтической дихотомией дня и ночи, солнца и луны, Аполлона и Диониса, эпоса и трагедии, включаясь в неоромантическое двоемирие с его бесконечным круговоротом символов. Кроме того, исследовано, как с помощью лермонтовско-дионисийских коннотаций происходит дискредитация и разрушение «усадебного мифа» Серебряного века. Последний, в интерпретации Г.И. Чулкова, восходит к аполлонической солнечности Золотого века русской культуры, маркируемого именем Пушкина и его романом «Евгений Онегин», в котором деятели Серебряного века усматривали высшее выражение русской «усадебной культуры». Основное внимание уделено центральному произведению «усадебного текста» Г.И. Чулкова — повести «Дом на песке» (1910–1911), незаслуженно забытому шедевру русской прозы. Семиотика имен Пушкина и Лермонтова в этом произведении восходит к значимым для автора работам его современников В.В. Розанова, В.С. Соловьева, Д.С. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Белого, А.А. Блока.

Ключевые слова: Г.И. Чулков, Серебряный век, символизм, «усадебный топос», неомифологизм, металитературность, Пушкин и Лермонтов, аполлонизм и дионисийство, эпос и трагедия.

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: olgabogda@yandex.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>